

9. Русские старожилы Сибири: Историко-антропологический очерк / Отв. ред. Бунак В. В., Золотарева И. М. и др. М.: Наука, 1973.

10. Тяботов М. А. Индикаторы коми языка в топонимии Приобья // Этимологические исследования. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1991. С. 12 - 31.

11. Тумашева Д. Г. Словарь диалектов сибирских татар. Казань: Изд-во КазГУ, 1992.

12. Алишина Х. Ч. Ономастикон сибирских татар (на материале Тюменской области): В 2 ч. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 1999.

*Александра Павловна УШАКОВА —
кандидат филологических наук, доцент
кафедры общего языкознания*

УДК 811.161.1+811.163.3

О ФОРМИРОВАНИИ КАТЕГОРИИ ПРИТЯЖАТЕЛЬНЫХ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются вопросы о статусе притяжательных прилагательных в русском и сербском языках, о выражаемом ими значении, а также о категории относительно-притяжательных прилагательных.

The article focuses on the problematic points of Possessives in the Russian and Serbian languages, their meaning and the category of Relative Possesive.

Притяжательные имена прилагательные являются древнейшим средством выражения категории принадлежности, они были известны еще индоевропейскому языку. Некоторые из них функционировали в праславянский период, в дальнейшем притяжательные прилагательные имели разную степень употребления в славянских языках [1. С. 140-145]. В исследованиях по вопросу о выражении притяжательности в исторические периоды существования русского и других славянских языков все сходится во мнении, что основным средством выражения категории притяжательности в этот период было притяжательное прилагательное, использование родительного принадлежности было ограничено определенными условиями. Р. Мароевич отмечает: «... на определенной стадии развития праславянского языка употребление поссессивного генетива имени существительного грамматически стало невозможным. Причину этого явления следует, вероятно, искать в объединении значений после совпадения форм старого генетива и старого аблатива. Поссессивный генетив был заменен суффиксальными притяжательными категориями. Принимая на себя функцию поссессивного генетива, суффиксальные притяжательные категории восприняли и его синтаксическое употребление в рамках именной парадигмы. Так сформировалась особая грамматическая категория праславянских притяжательных прилагательных, которые, входя в парадигму мотивировавших их существительных, приобретали и особенности имени прилагательного (согласованного по роду, числу и падежу с определяемыми существительными). Поссессивный генетив после подобных изменений имел довольно ограниченное употребление...» [1. С. 56-57].

С. Я. Макарова, в свою очередь, пишет: «Иное взаимоотношение в употреблении родительного падежа принадлежности и притяжательных прилагательных существовало в языке древнерусском... славянские языки, в том числе и русский, при выражении принадлежности предпочитали употреблять притяжательные прилагательные, тогда как в других родственных индоевропейских языках в данном случае употреблялся родительный падеж» [2. С. 7]. Это свойство нашего языка восходит, по словам Ф. И. Буслаева, ко временам перевода Священного Писа-

ния на славянский язык, наши переводчики в сказанном случае обыкновенно перелагают греческое существительное славянским прилагательным [3. С. 201].

Об ограничении в использовании притяжательных прилагательных со значением принадлежности, начиная с XVII-XVIII вв., говорится в ряде работ. Т. П. Ломтев отмечает: «Притяжательные прилагательные продолжали еще широко употребляться для обозначения лица, которому принадлежит предмет, или явление, и в произведениях XVIII века, причем более или менее последовательно употреблялись только притяжательные прилагательные, образованные от собственных названий лиц. У писателей XIX века употребление прилагательных для обозначения лица, которому принадлежит предмет или явление, весьма сократилось. Употребление притяжательных прилагательных, образованных от имен, не связанных с интимными отношениями людей, становится весьма незначительным» [4. С. 461].

О причине замены притяжательных прилагательных родительным падежом принадлежности в современном русском языке говорится во многих исследованиях. Они сводятся к следующему:

1) семантические, морфологические, словообразовательные и синтаксические изменения в системе имени прилагательного как части речи;

2) для выражения предикативной и атрибутивно-предикативной принадлежности в русском языке стал использоваться генетив с предлогом у. Развитие и стабилизация такого генетива в поссессивном значении, вероятно, способствовали тому, что процесс замены притяжательных прилагательных родительным падежом существительного в функции атрибута развивался быстрее и генетив превратился в основное средство для выражения атрибутивной поссессивности;

3) в XVIII веке развивает поссессивное значение глагол *принадлежать*;

4) развитие фамилий в русском языке. Притяжательные прилагательные от фамилий не образовывались. В связи с этим возникли омонимичные формы поссессивного генетива фамилии и притяжательного прилагательного личного имени собственного, что затрудняло установление субъекта поссессивности;

5) омонимия суффиксов **-ов(-ев)** и окончаний существительного мужского рода в родительном падеже множественного числа (*отцов дом — собрание отцов*).

Перечисленные и некоторые другие причины сужения сферы использования притяжательных прилагательных в русском языке отражены в работах лингвистов [2. С. 7-10; 5. С. 57 и др.].

В истории изучения притяжательных прилагательных сложным является вопрос о том, какие же прилагательные считать притяжательными. Большинство ученых при выделении притяжательных прилагательных в особую группу включало в ее состав прилагательные относительные, т. к. само понятие принадлежности трактовалось часто в широком смысле (как отношение к предмету). До настоящего времени границы между притяжательными прилагательными и собственно относительными не установлены.

Так, нет единого мнения по вопросу о прилагательных на **-ий, -овый, -иный** и отчасти на **-ский** (от одушевленных существительных). Например, В. В. Виноградов к разряду притяжательных относит только прилагательные с суффиксами **-ов, -ев, -ин**. Он пишет: «Притяжательные прилагательные, вроде: *сестрин, -а, -о; отцов, -а, -о* и т. п... Как в суффиксе **-ов**, так и в суффиксе **-ин** переход в членную форму (**-иный, -ая, -ое**) связан с устранением притяжательного значения. Слова на **-иный** имеют значение качественно-относительное и образуются только от названий животных: *воробьиный, голубиный...*». Прилагательные с суффиксами **-ий, -ья, -ье** он называет относительными: «В современном языке суффикс **-ий** прежде всего обозначает типичное для кого-нибудь (чаще:

для какого-нибудь животного) свойство. Он образует относительные имена прилагательные... *медвежий, верблюжий...*» [6 С. 159-166].

В «Грамматике русского языка» АН СССР притяжательные имена прилагательные характеризуются следующим образом: «Среди относительных имен прилагательных особую, выделяющуюся по своему значению группу составляют имена прилагательные притяжательные. Они обозначают принадлежность определенному лицу или животному, т. е. заключают в себе указание на обладателя в широком смысле этого слова: напр.: *дядин совет, отцовы слова, сестрин платок, лисья нора, оленьи рога.*»

Притяжательные прилагательные образуются от имен существительных, обозначающих одушевленные предметы при помощи суффиксов **-ов (-ев)**, **-ин (-нин)**, **-ий (-ья, -ье)**, напр.: *отцов, учителей, сестрин, братнин, лисий (лисья, лисье)* [7. С. 229].

Отмечено, что прилагательные **-ов-ый**, **-ин-ый** не имеют значения принадлежности лицу: они обозначают признак, свойственный группе лиц или предметов, или сходство с предметом: ... *китовый ус* — *ус* не какого-либо одного кита, а вообще китов, как породы животных [7. С. 229]. К притяжательным относятся также прилагательные на **-ск-ий**. О значении прилагательных с суффиксом **-ий, -ья, -ье** говорится, что они не имеют значения принадлежности одному лицу или животному [7. С. 301].

В «Русской грамматике» значения прилагательных определяются следующим образом: (1) Значение индивидуальной принадлежности тому, кто назван мотивирующим словом, — притяжательное значение — выражено как значение типа в мотивированных одушевленными существительными с суффиксами **-ов, -ин, -нин**: *отцов, дядин, братнин*, как значение подтипа — в прилагательных с суффиксами **-(н)-** — (мягкая основа) и **-ск-** (*дочерний двор* — Л. Н. Толстой; *отцовский пиджак, некрасовские поэмы*). (2) Значение неиндивидуальной принадлежности, свойственности тому (отнесенности к тому), кто назван мотивирующим словом, выражено: как значение типа — в мотивированных одушевленными существительными прилагательных с суффиксами **-(н)-, -ов-, -ск-** (*сыновний, подростковый, юношеский, бобровый, конский; дочерняя любовь, отцовские чувства*) [8. С. 327-328].

С. Стоянович утверждает: «Termin posesivan u morfološkem smislu u srpskohrvatskom jeziku odnosi se na leksičke forme nastale dodavanjem morfema **-ov, -ev, -in, -ljev, -ji, -uji, -nji, -ni, -ski, -ovski, -inski i -ujski** na imenicu, na taj način tvoreći gramatičku kategoriju prisvojnih prideva koji imaju posebne oblike u odnosu na prisvojne zamenice» [9. С. 295].

При этом автором термин «posesivan» трактуется не только в узком смысле как понятие принадлежности, но и в более широком: «Тако, на primer, morfema **-ov** može da označava i druge odnose osim posesije u užem smislu (sensu stricto). Ti drugi odnosi mogu da se kreću od već pomenute posesije u užem smislu, pa do relacije za koju se tek naknadno može dokazati da je posesivna poreklom... Variranjem subjekta i objekta posesije dobijaju se različite vrste odnosa koji nisu istovetni sa posesijom u užem smislu, koja označava takvu vrstu odnosa u kojem je moguća transformacija sa glagolom **imati, posedovati**» [9. С. 295].

Авторы «Грамматики сербского языка» указывают на следующее значение притяжательных прилагательных: «Ови су придеви добили назив по првом, основном и најобичнијем значењу: они означавају да појам уз чије име стоје припада појму који је означен мотивном именицом (братова књига, школско двориште). Међутим, значења се не ограничавају само на значење припадања,

већ обухватају и друге односе [10. С. 152]. Далее авторы выделяют суффиксы притяжательных прилагательных и их значение: «Продуктивнијих суфикса којима се гради ова група изведених придева има четири, а масе продуктивних три.

1) Суфикс **-ов / -ев** типичан је за значењску класу придева:

(а) братов, зетов, синов, Славков, Петров, војников, младићев, стричев, краљев, Милошев, Драгићев — чије је значење право поседовање, тј. појам уз чије име стоје ти придеви припада, по било чему, ономе што значе мотивне именице (по власништву: *брашова књига*, по сродству: *другова сестра*, *Милошева мајка* итд.); затим за придеве типа:

(б) *купусов, Антимонов, хмељев, пиринчев, ражев, храстов, грабов, боров, шљивов, трешњев*, — чије је значесе порекло, тј. да је предмет од чијег се имена граде придеви грађа од које је оно уз чије име такви придеви стоје, или од оне врсте које је појам означен мотивном речју липов чај, нпр.).

Суфикс **-ов** долази иза творбене основе која се завршава ненепчаним сугласником, а **-ев** долази иза предсонепчаних сугласника те основе (*брашов, младићев*).

2) Суфикс **-овљев / -евљев / -овљи / -евљи** заступљен је у типу: *братовљев, синовљев, мужевљев; братовљи, синовљи, мужевљи* — чије је значесе, првих — припадање, других — квалитет (својство): *брашовљева књига — брашовља љубав*.

3) Суфикс **-ин** врло је продуктиван у образовасима типа: *сестрин, женин, Маријин, судијин, пашин, лавичин, земљин, ружин, песмин, свастичин, материн* — њиме се изводе придеви од именица на **-а** (ж. и м. рода), а могу означавати пре свега припадасе (*Маријина књига*), али и све што значе описни придеви (*ружино уље, земљина кора, трешњин цвет*).

4) Суфикс **-ски**: *школски, градски, општински, армијски, шумадијски, кајкавски, плебејски, македонски, педагошки...* означаваће припадност онда када значе припадасе појма уз чије име стоји тачно одређеном, индивидуализованом појму: *Изиђите, децо, у школско двориште* (= «у двориште које припада нашој школи»). Кад означавају друге односе, или чак припадност целој врсти појмова, ови придеви означаваће исто што и описни придеви (својство, квалитет, особину): *школски рад ...*

5) Суфикси **-овски / -евски; -ински**: *воловски, топовски, принчевски, његошевски; матерински, хоуински, агински* — сложена је везана морфема - којом се граде придеви који означавају особине (*његошевски стих*), намену (*топовска граната*).

6) Суфикс **-ј (-ја, -је) / -и ј (-и, -а, -е)**: *мишји, мачји, жабљи, дечји, човечји / мишији, мачији, дечији* — везана је морфема - којом се граде придеви са значесем припадности врсти, па тиме и особине: *дечја соба је* «соба за децу», соба која има друкчије особине од дневне собе.

7) Суфикс **-ис (-а, -е)**: *детињи, пчелињи, голубињи, очињи (од око)* — иако примарног присвојног значења, морфема је — којом се, пре свега, означавају особине (*детињи плач*). [10. С. 152-153].

Таким образом, здесь перечисляются в качестве продуктивных суффиксы **-ов, -ев, -овљев, -евљев, -овљи, -евљи, -ин, -ски**. Судя по приведенным примерам, на индивидуальную принадлежность указывают притяжательные прилагательные с суффиксами **-ов, -ев, -овљев, -евљев, -овљи, -евљи, -ин**.

О преимущественном употреблении в сербохорватском языке притяжательных прилагательных сравнительно с родительным падежом свидетельствуют многие ученые (Т. Маретич, М. Николич, М. Стеванович, С. Стоянович, П. А. Дмитриев, Т. А. Иванова и др.). Так, М. Стеванович настаивает: «И тамо ћемо видети да се од личних властитих имена припадасе појединим особама с

тим именима казује искључиво облицима од сих изведених присвојних придева, уколико уз име није употребљено и презиме, или друга која одредба; ... синтагме: дела Вука или дела Мажуранића, поезија Његоша или поезија Мажуранића нису у природи српскохрватског језика већ се обично каже: Вукова дела, Мажуранићева дела, поезија Његошева, поезија Мажуранићева — зато тако треба говорити» [11. С. 181-182].

Таким образом, в вопросах о статусе притяжательных прилагательных в русском и сербском языках, о значении, а также о категории относительно-притяжательных прилагательных у лингвистов нет единого мнения. В то же время основные проблемы их исторического развития изучены достаточно хорошо.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мароевич Р. Посессивные категории в русском языке (история развития и современное состояние) // Филол. науки. 1983. № 5. С. 56-61.
2. Макарова С. Я. Родительный падеж принадлежности в русском языке XI-XVII вв. // Тр. ин-та языкознания. М., 1954. Т. 3. С. 7-31.
3. Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка. М.: Учпедгиз, 1959. 623 с.
4. Ломтев Т. П. Очерки по историческому синтаксису русского языка. М., 1956. 596 с.
5. Стеценко А. Н. Исторический синтаксис русского языка. М., 1972. 360 с.
6. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1972. 614 с.
7. Грамматика русского языка: В 2 т. М., 1960. Т.2. Синтаксис. Ч.1. 702 с.
8. Русская грамматика: В 2 т. М., 1982. Т. 1. 783 с.
9. Stojanovic' S. Binarne relacije posesije u engleskom i srpskohrvatskom jeziku. Beograd, 1966. 500 s.
10. Станојчић Ж., Поповић. Граматика српскога језика: Уџбеник за I, II, III и IV разред средње школе. Београд, 2000. 411 с.
11. Стевановић М. Савремени српскохрватски језик (граматички системи и књижевнојезичка норма). Синтакса. II. Београд, 1974. 942 с.

Нина Владимировна ГОРЯНСКАЯ —
аспирант кафедры русской литературы
филологического факультета

УДК 821.161.1(092)

ДВЕ ВЕРСИИ ПРОЧТЕНИЯ Л. Н. ТОЛСТОГО

(И. А. Бунин и М. А. Алданов)

АННОТАЦИЯ. В статье проанализированы две версии изучения творчества Л. Н. Толстого. И. А. Бунин рассматривает толстовское наследие с точки зрения «сенсуализма», полемизируя с писателем и критиком М. А. Алдановым, изучающим творчество Толстого, исходя из «рационализма». Разные подходы высвечивают и различные грани литературной философии великого мыслителя.

The author studies two approaches to the literary works of L. N. Tolstoy. I. A. Bunin considers the writer's works from the point of view of the theory of «sensationalism» that is controversial to the theory of «rationalism» supported by the writer and critic M. A. Aldanov. The two different approaches show the diverse literary and philosophic views of the Great Russian writer.

Произведение «Освобождение Толстого» — итоговое в творчестве И. А. Бунина, оно стоит особняком в ряду всех его литературных шедевров. Исследовате-